

А.Р. Лурия

Потерянный и возвращенный мир

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37.032
ББК 51.204.0
А11

A11 **А.Р. Лурия**
Потерянный и возвращенный мир / А.Р. Лурия – М.: Книга по Требованию, 2023. – 80 с.

ISBN 978-5-458-37770-6

Это повесть об одном мгновении, которое разрушило целую жизнь. Это рассказ о том, как пуля, пробившая череп человека и прошедшая в его мозг, раздробила его мир на тысячи кусков, которые он так и не мог собрать. Это книга о человеке, который отдал все силы, чтобы вернуть свое прошлое и завоевать свое будущее. Это книга о борьбе, которая не привыкла к победе, и о победе, которая не прекратила борьбы.

ISBN 978-5-458-37770-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригиналe, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

— с расписными фигурками богородиц с младенцами, на верхушке — золотой крест, а вокруг собора расходятся лучами улицы, сначала с двумя-тремя этажами, а потом уже одноэтажные деревянные купеческие дома... По окраинам — еще три или четыре церкви... За километр — речка, несущая воды с севера на юг... К ней приходится спускаться слева — по наклонной улице или идти там, где церковь Успенья — по крутой отрывистой тропинке... И наша семья... Она живет на небольшой улице — Парковой, на втором этаже... Че-рез три дома идет небольшой парк, ...все тихо, спокойно».

8

Война

И вдруг — все оборвалось.

«Я шел рано по городу, размышляя о своем будущем и направляясь в свой институт, как вдруг услышал (я даже вздрогнул!) страшную весть: война с Германией. Практика отменяется. Наш институт вынужден без каникул переключиться — учиться в следующих курсах. И мой курс — теперь он стал называться четвертым — тоже включился в учебу. Но немецко-фашистские варвары начали занимать нашу территорию. Необходимо было помочь родине. По комсомольской мобилизации комсомольцы нашего четвертого курса вызвались пойти на фронт, временно оставив институт до окончания войны...

И вот я уже воюю где-то на Западном. А вот я уже ранен в висок. А через месяц я снова на фронте, воюю с врагами. Время нашего отступления давно ушло. Наши войска только наступают, только движутся вперед и вперед. Шел уже 1943 год. Западный участок фронта. Смоленщина. Где-то под Вязьмой на реке Воря расположился взвод ранцевых огнеметчиков, которому поручено было соединиться со стрелковой ротой во время предполагаемого наступления против немцев. Взвод огнеметчиков во взаимодействии со стрелковой ротой собирались прорвать оборону немцев на том берегу Вори. Ожидали приказ к наступлению. Этого приказа рота и взвод ожидали вторые сутки. Начало марта месяца. Погода тихая, солнечная, но еще сырая. Валенки у всех промокли насеквоздь, и всем хотелось немедленно наступать. Скорей бы вышел приказ к наступлению, скорей бы...

Я еще раз обошел бойцов (а я был как раз командиром взвода ранцевых огнеметчиков), побеседовал с каждым из бойцов, распределил взвод равномерно среди стрелковой роты и тоже стал ждать приказа. Я посмотрел на запад — на тот берег Вори, на котором находились немцы. Тот берег очень крут и высок. «Но трудности нужно преодолеть, и мы их преодолеем! — думал я. — Лишь бы вышел приказ!».

А вот и приказ. Все зашевелились. — Загрохотали наши орудия... Минута, другая, третья. И все стихло. И вдруг все быстро зашевелилось — все двинулись через ледяную реку. Солнце, казалось, ярко блестело, хотя оно уже и садилось. Немцы молчали. Два

9

или три немца быстро исчезли в глубине местности. Ни выстрела, ни звука. Вдруг засвистели пули немцев, застrekотали по бокам пулеметы. Засвистели пули и над моей головой. Я прилег. Но ждать долго нельзя, тем более, что наши орлы начали забираться наверх. Я вскочил со льда под пулеметным обстрелом, подался вперед — туда, на запад, и...».

10

После ранения

«Я начал приходить в себя в ярко освещенной палатке, где-то недалеко от передовой линии фронта...

Я почему-то ничего не мог припомнить, ничего не мог сказать... Голова была словно совершенно пустая, порожняя, не имевшая никаких образов, мыслей, воспоминаний, а просто тупо болела, шумела, кружилась.

Только изредка выплывал иногда мутный образ человека с плотным широким лицом, в очках, сквозь которые выглядывали раздраженные и даже свирепые глаза, показывающие врачам и санитарам, что-то делать со мной, когда я лежал на операционном столе.

Надо мной склонилось несколько человек в ярко-белых халатах, с ярко-белыми колпаками на голове, с марлевыми повязками, закрывающими лицо до самых глаз.

Я очень смутно помню, что лежал на операционном столе, а несколько человек крепко держат меня и за руки, и за ноги, за голову так, что я не мог даже пошевельнуть ни одним членом.

Я только помню, что меня держали санитары и врачи, помню, что я отчего-то кричал, задыхался... помню, что по моим ушам, шее бежала теплая, липкая кровь, а в губах и во рту ощущалась солоноватость...

Я помню, что мой череп трещал и гудел, что в голове ощущалась сильная и резкая боль...

Но сил больше нет, я не могу больше кричать, я задыхаюсь, дыхание мое остановилось, жизнь вот-вот отлетит от моего тела.

В то время у меня никаких мыслей не было. Я засыпал, просыпался. Думать о чем-нибудь, размышлять, вспоминать что-нибудь в то время я совсем

10

не мог, так как моя память еле-еле, как и жизнь, теплилась и была очень плохая...

Я не сразу начал осознавать себя, что со мной, и долго не мог понять (в течение многих суток!), где же у меня рана... Я просто, кажется, превратился от ранения головы в какого-то странного ребенка.

Я слышу голос врача, который с кем-то разговаривает. Я не вижу врача и не обращаю на него вни-мания. Вдруг врач подходит ко мне, дотрагивается до меня чем-то и спрашивает: «Ну, как дела, товарищ Засецкий?» Я молчу, но уже начинаю думать, а что же это он мне говорит. И когда он мне несколько раз называет мою фамилию, я наконец вспоминаю, что фамилия «Засецкий» — это моя фамилия, и только тогда говорю ему: «...ничего»...

В начале ранения я казался совершенно новорожденным существом, которое смотрит, слушает, за-мечает, наблюдает, повторяет, воспринимает, а само еще ничего не знает. Таким был и я в начале ранения. С течением времени и после многократных повторений в моей памяти (речи и мышлении) нарастают различные сгустки — «памятки», от которых я начинаю запоминать течение жизни, слова (мысли) и значения.

К концу второго месяца ранения я уже всегда помнил Ленина, солнце и месяц, тучу и дождь, свою фамилию, имя, отчество. Я даже иногда начинал припомнить то, что у меня есть где-то мать с двумя сестрами, что был и брат перед войной, который в начале войны (он служил в армии в Литве) пропал без вести.

И тогда мой товарищ по койке начал мной интересоваться и даже обещал написать моим родным письмо, когда я сумею припомнить свой домашний адрес. Но вот как мне припомнить домашний адрес?... — это страшно тяжелое дело. И я пожалуй бы не смог припомнить свой адрес, раз я даже не мог вспомнить имена своих сестер и матери».

11

«Что же со мной?»

Он все осознавал, он видел все, что окружает его, он знал, что он в госпитале, что вокруг него товарищи, что сестры и няни ухаживают за ним, что он был ранен и что с ним произошло что-то ужасное, но он чувствовал, что живет в ка-

11

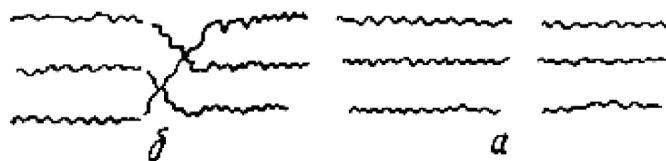
ком-то тумане, что мир стал не тот, что был раньше, что он сам стал какой-то другой, что теперь — все иное. Что же это?! Что же с ним?!

«В результате ранения я все забыл, чему когда-то учился и что когда-то знал... Я все забыл, и после ранения сызнова начал расти и развиваться до некоторого момента, а затем вдруг мое развитие приостановилось и так находится в недоразвитом положении и до сего времени. Главное же недоразумение было в моей памяти: я забыл все на свете, и теперь снова начинаю осознавать, запоминать, понимать уже той памятью, которой я пользовался еще в детстве...»

Я сделался от ранения в полном смысле слова ненормальным человеком, но только я сделался не-нормальным человеком не в смысле сумасшедшего — нет, вовсе нет. Я сделался ненормальным человеком в смысле утраты огромного количества памяти и длительного невспоминания ее остатков...

В моем мозгу все время путаница, неразбериха, недостатки и нехватка мозга...

У меня раньше все было так (а), а теперь стало так (б).

Я нахожусь в каком-то тумане, словно в каком-то полусне тяжелом, в памяти ничего нет, я не могу вспомнить ни одного слова, лишь мелькают в памяти какие-то образы, смутные видения, которые быстро появляются, и так же быстро-быстро исчезают, уступая место новому видению, и ни одного видения я не в состоянии ни понять, ни запомнить...

Все то, что осталось в памяти, — распылено, раздроблено на отдельные части пословесно, без всякого порядка. И так у меня происходит в голове вот такая ненормальность с каждым словом, с каждой мыслью, с каждым понятием слова».

И это понимал не только он. Ему казалось — нет, он был уверен, что и другие видят это, что всем ясно, что теперь он

12

стал другим, ни к чему неспособным, видимостью человека, что в действительности он умер, — и лишь внешне продолжает жить, что на самом деле он был убит.

«Они теперь окончательно поняли, что значит проникающее ранение в голову; они помнят, каким я был до войны, до ранения, и каким сделался после ранения, вот теперь, — неспособным и непригодным ни к какому труду, ни к чему.

Я твердил всем, что после ранения я превратился в другого человека, что я был убит в 1943 году, 2 марта, но благодаря особой жизненной силе организма, я просто чудом остался в живых. Но хотя я и остался в живых теперь, тяжесть ранения изнуряет мое состояние, не дает мне покоя, и я без конца чувствую себя, будто я живу не наяву, а во сне, в страшном и свирепом сне, что я просто сделался не человеком, а тенью человеческой, я превратился в неспособного ни к чему человека».

Он был «кубит 2-го марта»... и теперь живет непонятной жизнью, живет в полусне, и ему трудно верить, что он действительно живет...

«После ранения я по-прежнему живу до сих пор какой-то непонятной двойственной жизнью. С одной стороны, мне снится во сне, что я вдруг сделался таким ненормальным — почти совсем неграмотным, по-луслепым, больным. Я никак не могу поверить этому несчастью, которое произошло после моего ранения в голову.

...Я начинаю мыслить по-другому, а именно, что не может долго человек находиться во сне, тем более зная, что летит год за годом...

Я начал верить, что это я вижу сон, страшный сон!

Но я думал и по-другому: а вдруг это не сон, а результат ранения в голову! И мне тогда надо заново научиться запомнить все буквы, чтобы прочитать книги...

Мне трудно было верить в действительность, но и ожидать, когда я очнусь ото сна (а сон ли это?), мне тоже не хотелось. К тому же моя новая учительница убеждала меня, что я живу не во сне, а наяву, что идет уже третий год войны и что от тяжелого ранения в голову я стал больным и неграмотным...

Не сон ли я это вижу все время? Но сон не дол-

13

жен тянуться так долго и однообразно. Значит, не сплю я во сне эти годы, значит, не во сне нахожусь, а наяву. Но какая это страшная болезнь! До сих пор я не могу прийти в себя, до сих пор не узнаю себя, каким я был и каким я стал...

Я все еще по-прежнему время от времени обращаюсь к своему сегодняшнему разуму: «Я это или не я? Во сне ли я все еще живу или наяву?» Уж слишком длителен сон, чего не бывает в натуре, раз заметно летят года. А если это не сон, а явь, то отчего же я все болею, отчего все еще болит, шумит и кружится голова...

И я по-прежнему мечтаю встать в строй, я вовсе не хочу считать себя погибшим. Я стараюсь во всю осуществлять свои мечтания хоть по капельке, понемножку, по своим оставшимся возможностям. От этой раздвоенности: «Я это или не я?», «во сне ли я это все вижу или наяву?» — мне приходится подолгу думать и размышлять с больной головой, что мне делать и как мне быть?».

Время проходило, а мучительное состояние человека, у которого сознание было раздроблено на кусочки, не исчезало.

Уже фронт остался далеко позади. Промелькнула целая цепь госпиталей — сначала в Москве — тогда прифронтовом городе, затем в маленьких провинциальных городках. Здание бывшей школы — чистые большие палаты, бывшие классы. «Как вы себя чувствуете, Засецкий?» Потом снова поезда, автобусы. Потом длинный железнодорожный путь. Мелькают станции, все новые соседи в отделениях санитарного поезда. И потом Урал — Восстановительный госпиталь.

Восстановительный госпиталь

Он попал в тихое место, полное очарования, оазис в буряках войны, госпиталь, куда стекались сотни бойцов с такими же ранениями, как и у него.

Он хорошо помнил это место и с завидной яркостью описывал его:

«Кругом расстилаются замечательные картины: то появится огромное озеро, окаймленное хвойными деревьями, то другое озеро, еще больших размеров, то третье озеро; а вокруг, куда ни кинешь взглядом,

простираются огромные массивы хвойного леса... и когда взглянешь вверх, небо кажется темнее и отдает какой-то синевой, а солнце, наоборот, кажется ярким-ярким.

Толчки грузовой машины меня раздражают, да и болит рана, где-то внутри головы... Мне почему-то кажется, что машина давно уже кружит на одном месте... Но вот появляется еще одно озеро, а потом я неожиданно вижу большое трехэтажное здание, потом еще одно... все они рассыпаны по лесу... Машина останавливается, мы на месте».

Вся это удивительная красота — кругом; а внутри, в нем самом — пустота. Как это по-прежнему страшно!

Повязки на голове уже нет, она не нужна; снаружи рана зажила. Но в каком контрасте со всем окружающим остается его мучительное состояние!

«Я по-прежнему мог читать только по слогам; как ребенок; я по-прежнему страдал и страдаю не-вспоминанием слова и его значения; по-прежнему меня держала и держит в руках «умственная афазия»; по-прежнему не возвращается ко мне память, мои знания, мое образование.

В моей голове струятся две мысли. Одна мысль твердит мне, что моя жизнь пропавшая, ненужная теперь никому, что я останусь таким до самой смерти, которая расположена ко мне очень близко. Другая мысль твердит мне, что еще не все пропало, что нужно жить, что можно излечиться временем, что поможет еще и медицина, что я вылечусь с помощью медицины и времени.

Я сделался ненормальным человеком больше в смысле утраты огромного количества памяти и длительного невспоминания ее остатков во время мышления...

Я стал таким человеком, что не могу говорить с людьми, не могу понимать различные вещи и понятия, не могу читать по-настоящему (что меня мучают головные боли и головокружения, различные приступы и боли).

И я чаще стал задумываться над жизнью, нужна ли она мне?

А тут еще вечные сомнения: «Во сне я живу или наяву?». По-прежнему я все еще не верил, что я так жестоко ранен в голову, что это все еще мне снится во сне. И время странно и быстро мчится так, словно я живу во сне...

Мимо меня проходят месяцы, годы, десятилетия. Значит, не во сне мне все это снится, а вижу я и ощущаю настоящую действительность, которая отразилась после моего ранения в худшую сторону во сто крат!..

Мне кажется почему-то, что я брожу во сне по какому-то заколдованныму замкнутому кругу, из которого не видно для меня выхода...

Я гляжу непонятными глазами на окружающий меня мир, вспоминаю о не так давно случившемся странном ранении в голову, вспоминаю о последствиях этого страшного ранения. И у меня просто часто волосы становятся дыбом, и я думаю, неужели все это произошло наяву, а не во сне, неужто... неужто... это будет так до печального конца моей жизни?».

Как красочно он воспринимает природу, каким полным обаяния остается для него окружающее; но как изменился для него этот мир, как трудно доходит до него все, что он воспринимает...

«Я понимаю, что окружающий мир — это все то, что я вижу, слышу, ощущаю, осознаю своей головой. После ранения мне тяжело понимать и осознавать окружающий мир. Помимо того, что я и до сих пор иногда не могу сразу вспомнить из памяти нужное мне слово, когда видишь окружающее, или представ-ляешь в уме (предмет, вещь, явление, растение, зверя, животное, птицу, человека), или, наоборот, слышишь звук, слово, речь, но не сразу можешь вспомнить или понять его».

Что же это такое? Почему все стало таким другим? Почему он вдруг оказался в мире, расцепленном на тысячи кусков? Почему его мысли не могут собраться в одно целое?

16

Наша встреча

Я встретился с моим герояем в конце мая 1943 года, почти через три месяца после ранения; встретился, чтобы не прерывать с ним связи и внимательно следить за его жизнью двадцать шесть лет, из года в год, иногда с перерывами, иногда неделя за неделей.

16

Так началась наша дружба, так я стал свидетелем длительных и мучительных лет его настойчивой, упорной борьбы со своим поврежденным мозгом, борьбы за то, чтобы, оставшись в живых, вернуться к жизни.

«В мой кабинет в восстановительном госпитале вошел молодой человек, почти мальчик, с растерянной улыбкой, он глядел на меня, как-то неловко наклонив голову, так, чтобы лучше меня видеть: позже я узнал, что правая сторона зрения выпала у него и чтобы рассмотреть что-то, он должен был повернуться, используя сохранившуюся у него левую половину.

Я спросил его, как он живет, он помолчал и робко сказал: «Ничего». Я спросил его, когда он был ранен, и этот вопрос, по-видимому, поставил его в тупик: «...вот ...ну вот ...как это... уже сколько... наверное, два... или три...». Откуда он родом? «Ну вот... дома... я вот хочу написать... и никак...». Кто у него там? «...вот ...мама ...и еще ...ну как их обеих звать?..».

Он явно сразу не схватывал смысл моего вопроса и слова не приходили ему сразу в голову; каждый ответ вызывал у него мучительные поиски.

«Попробуйте прочитать эту страничку!» — «...Нет, что это?.. не знаю... я не понимаю что это... Нет... какое это?». Он пытался рассматривать листок, ставя его боком перед левым глазом, переводил его в стороны, удивленно разглядывая слова и буквы: «Нет... не могу!..». «Ну, тогда напишите свое имя, откуда вы?». И снова мучительные попытки: рука как-то неловко берет карандаш, сначала не тем концом, потом карандаш начинает искать бумагу, снова безуспешные попытки — но буквы не получаются — он растерян — он ничего не может написать! Он действительно стал неграмотным. «Ну, попробуйте посчитать, что-нибудь простое, например, сложи-те семь и шесть!..» — «Семь... шесть... как же это... семь... нет, я не могу.., нет, я совсем не

знаю...». «Ну, посмотрите на привале», — «...вот ...что же ...сидит ...и этот ...а здесь как-то... что же это? И вот этот... не знаю... наверное здесь что-то... ну как же это?!...». «А теперь поднимите вашу правую руку!» — «Правая... правая... левая... нет, я не знаю... Где же правая рука?!.. Что такое правый... или левый... Нет... Нет... У меня ничего не выходит...».

Какие мучительные, судорожные попытки вызывает каждый вопрос, какие острые переживания беспомощности он рождает.

«Ну, тогда расскажите, как вы пошли на фронт» - «...ну... уже стало тут... это... стало у нас складываться... нехорошее... отступать... ну... и тут все!... Я уже решил, что все...

17

раз уж такое дело вышло... ну вот... Ну вот... Меня проучили... сколько?.. Пять... это... потом меня выпустили... и потом наступление... Я ясно помню... это... ну вот ранили... ну вот и все...». Как мучительно пробовать рассказать о том, что еще свежо в памяти, как безуспешны попытки найти нужные слова!

«Ну, скажите, какой сейчас месяц?» — «Сейчас... как это... сейчас май!!». И на лице улыбка: все-таки слово найдено. «Ну, пересчитайте: «январь, февраль, март». — «Да, да... март, апрель, май, июнь... вот». И он снова доволен. «А терем?» — «Перед сентябрем?... Ну как же это?... Сентябрь, октябрь... нет... и потом октябрь... как же это... октябрь... нет, не так... нет... так я не могу!..» «Какой месяц перед сентябрем?» — «Перед сентябрем?.. Ну, как же это?.. Сентябрь, октябрь... нет, не так... у меня не получается...». — «А что бывает перед зимой?» — «Перед зимой... или после зимы... лето... или что-нибудь... нет. Это у меня не выходит...». — «А перед весной?» — «Перед весной... сейчас весна... а вот до... или после... я уже теряюсь... нет... У меня не выходит...». И снова мучительные, безуспешные попытки.

Что же это такое?

Он по-прежнему ясно воспринимает окружающую природу. Он переживает ту тишину, которая его окружает, он восторженно вслушивается в шум леса и вглядывается в гладь озера. Он настойчиво пытается выполнить задание, ответить на вопрос, найти нужное слово. И как мучительно он переживает каждую трудность, каждую неудачу. С какой легкостью он перечисляет привычный порядок: «январь, февраль, март, апрель...». Как это все просто! Но почему он не может сказать, какой месяц перед сентябрем? Почему он не знает, где его правая и левая рука? Почему он не может сложить два простых числа? Почему он перестал узнавать буквы? Почему он не может писать? Почему каждая попытка назвать предмет или рассказать содержание картинки делает его таким беспомощным?!

Что с ним?

Что это за ранение мозга, которое оставило непосредственное восприятие мира таким сохранным, пощадило намерения, желания, оставило незатронутым тонкость переживаний, пощадило способность ясно оценивать каждую свою неудачу и вызвало такие страшные, мучительные трудности при каждой попытке найти слово, выразить мысль, прочитать написанное или сложить два числа, которые с такой легкостью складывает ученик второго класса начальной школы?

Что случилось с ним? Ну что же это такое?

18

Выписка из истории болезни № 3712

«Младший лейтенант Засецкий, 23 лет, получил 2 марта 1943 года пулевое проникающее ранение черепа левой теменно-затылочной области. Ранение сопровождалось длительной потерей сознания и, несмотря на своевременную

Рис. 1а. Рентгеновский снимок черепа больного Засецкого после введения воздуха в желудочки мозга (пневмоэнцефалограмма). На нем можно видеть резко расширенный левый боковой желудочек и скопление воздуха в подоболочечных пространствах мозга теменно-затылочной области левого полушария

обработку раны в условиях полевого госпиталя, осложнилось воспалительным процессом, вызвавшим слипчивый процесс в оболочках мозга и выраженные изменения в окружающих тканях мозгового вещества».

19

Осколок внедрился в вещество задних, теменно-затылочных отделов мозга и разрушил мозговую ткань этой области.

Ранение осложнилось воспалительным процессом; он не распространенный, местный, ограничен лишь областями мозга, примыкающими к непосредственному месту ранения, но теменно-затылочные отделы левого полушария, отделы, так

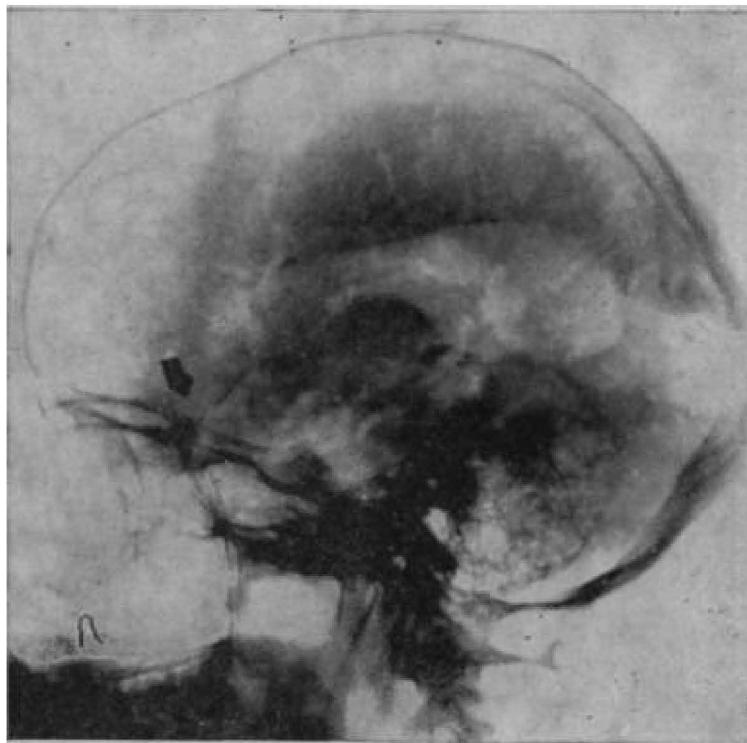

Рис. 16. Чёрное пятно в правом полушарии — осколок, расположенный под кожей от поверхностного шрапнельного ранения, полученного им за год до основного ранения

тесно связанные с анализом пространственного мира, необратимо повреждены, и уже начинается процесс образования рубцов, который неизбежно повлечет за собою частичную атрофию расположенных вблизи ранения участков мозгового вещества.

И через десять лет после ранения - еще одна выписка из истории болезни, на этот раз сделанная на основе рентгенограммы.

20

В спинномозговой канал введен воздух. Он поднялся вверх, заполнил контуры желудочков мозга и те пустоты, которые образовались в результате сморщивания вещества отделов мозга, непосредственно примыкающих к месту ранения. «Процесс рубцевания вызвал атрофические изменения в левом боковом желудочке. Стенки его подтянуты к поверхности мозга, подоболочечные пространства резко расширены. Значительный местный атрофический процесс».

Ранение вызвало местную атрофию мозгового вещества левой теменно-затылочной области.

К каким же следствиям приводит этот процесс? Как объяснить картину тех глубоких изменений, которые мы описали выше и которую так хорошо знает сам больной?

Перейдем к некоторым данным науки о функциях мозга и ее отдельных частей.

21

Несколько страниц из науки о мозге

(ОТСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЕ)

Мозг вынут из черепа и положен на стеклянный столик.

Перед нами серая масса, вся изрезанная глубокими бороздами и выпуклыми извилинами. Она разделяется на два полушария — левое и правое, соединенных плотной мозолистой связкой. Снаружи это вещество равномерно серого цвета; это кора больших полушарий; ее толщина едва достигает 4 — 5 миллиметров; она состоит из огромного числа нервных клеток, которые и являются материальной основой всех сложнейших психических процессов. Кора наружных отделов по своему происхождению более молодая, кора обращенных внутрь отделов полушарий — более старая. Под тонким слоем коры — белое вещество, которое состоит из огромного числа плотно прилегающих друг к другу волокон, которые связывают отдельные части мозговой коры друг с другом, доводят до коры возбуждения, возникающие на периферии, и направляют на периферию программы действий, сформированных в коре. А еще глубже — снова участки серого вещества — подкорковые ядра мозга — самые древние и самые глубокие аппараты, в которых останавливаются возбуждения, идущие с периферии, и в которых они получают свою первоначальную обработку.

Как однородно и скучно выглядит мозг — этот высший продукт эволюции, этот орган, который получает, перерабатывает и хранит информацию, орган, который создает программы деятельности и регулирует их выполнение.

21

Совсем недавно мы еще очень мало знали о нем, о его строении и его функциональной организации, и учебники были заполнены смутными предположениями, среди которых выделялись только островки четкого знания, и фантастическими домыслами, которые делали карты мозга мало отличающимися от средневековых географических карт мира.

Сейчас, благодаря работам выдающихся ученых многих стран мира мы знаем о человеческом мозге гораздо больше, и хотя наши представления о нем находятся еще на самых первых ступеньках подлинной науки, они уже далеки от тех неясных догадок и непроверенных домыслов, которыми ограничивались знания наших дедов.

Именно эти данные и позволяют нам ближе разобраться в том, что же вызвало ранение у нашего героя.

Можно с уверенностью утверждать, что впечатление об однородности и такой невыразительности серой массы, которое мы получаем при первом рассматривании мозга, явно расходится с той невероятной сложностью и расчлененностью, которой в действительности обладает этот орган. Серое вещество — его главная часть не только состоит из необычайного числа нервных клеток, основных единиц мозговой деятельности (одни ученые исчисляют их количество числом 14 миллиардов, другие называют еще более высокие цифры). Основное заключается в том, что эти нервные элементы распределены в строго организованном порядке, и отдельные области или «блоки» мозга несут строго определенные и коренным образом отличающиеся друг от друга функции.

Сознательно идя на некоторое, но вполне допустимое при рассмотрении этих сложных вопросов упрощение, мы имеем все основания выделить в головном мозге человека три важнейших составных части — три основные блока этого удивительного аппарата.

Первый из них мы можем назвать «энергетическим блоком», или «блоком тонуса». Он расположен в глубине мозга, в пределах верхних отделов мозгового ствола и тех образований серого вещества, которые составляют древнейшую основу его жизнедеятельности.

Часть из этих образований трудно полностью отнести к нервной ткани: это — полунервная, полусекреторная ткань; этот участок мозга входит в состав особой части — гипоталамуса и регулирует сложнейшие процессы химического обмена веществ в организме. Усвоение химических веществ, жировой обмен, рост, деятельность желез внутренней секреции — все это регулируется скоплениями серого вещества этой части мозга.